

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ CHILDREN'S SPEECH

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-25-38>

Грамматический аспект усвоения личных местоимений

Виктория Вилладиевна Казаковская

*Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, victory805@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1597-6527>*

Аннотация. Статья посвящена грамматическому аспекту усвоения личных местоимений в русском языке. Изучение особенностей их употребления в первый год персонального онтогенеза проливает свет на становление предикативных отношений, механизм согласования (координации) субъекта и предиката, развитие типов и форм подлежащего и сказуемого. В работе прослеживаются этапы предикативации с участием личных местоимений, рассматриваются предпосылки координации и выявляются типичные свойства *я-*, *ты-* и *он-*высказываний в речи детей. Материалом для анализа служат три лонгитюдных корпуса аудио- и видеозаписей диалогического взаимодействия взрослых с типично развивающимися детьми раннего возраста (70 часов). Спонтанная речь расшифрована и закодирована в соответствии с международными стандартами. Исследование показало, что предикативные отношения развиваются от синкретичного представления субъектно-го и предикатного компонентов к расчлененному, от отсутствия формального согласования между ними к его наличию, от безглагольного употребления личных местоимений к глагольному. Общие и индивидуальные особенности функционирования высказываний с личными местоимениями в речи информантов подтверждаются статистически.

Ключевые слова: усвоение языка, детская речь, персональность/категория лица, личные местоимения, субъект, предикат, координация, лонгитюдные наблюдения, корпусное исследование, русский язык

Для цитирования: Казаковская В. В. Грамматический аспект усвоения личных местоимений // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 6. С. 25–38. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-25-38>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The grammatical aspect of personal pronoun acquisition

Victoria V. Kazakovskaya

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, victory805@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1597-6527>*

Abstract. The article discusses the grammatical aspect of learning personal pronouns in the Russian language. Studying the specific features of their use in the first year of ontogenesis sheds light on the formation of predicative relations, the agreement (coordination) mechanism of the subject and the predicate, the development of types and forms of the subject and the predicate. The paper traces the stages of predication involving personal pronouns. In particular, it examines the prerequisites for coordination and identifies the typical properties of *Ya-* / *I-*, *ty-* / *you-* and *on-* / *he-* utterances in children's speech. The material for the analysis is three longitudinal corpora of audio and video recordings (70 hours) of dialogic interaction between adults and typically developing young children. Spontaneous speech was transcribed and coded in accordance with international standards. The study has shown that predicative relations develop from a syncretic representation of the subject and predicate components to a disjunct one, from the absence of formal agreement between them to its presence, from the verbless use of personal pronouns to the verbal one. The common and individual features of the functioning of utterances with personal pronouns in the informants' speech are confirmed statistically.

Keywords: language acquisition, children's speech, personality, grammatical person, personal pronouns, subject, predicate, coordination, longitudinal observations, corpus study, Russian language

For citation: Kazakovskaya V. V. The grammatical aspect of personal pronoun acquisition. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2024;85(6):25–38. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-6-25-38>.

1. Вступительные замечания. Особенности усвоения категориальных свойств личных местоимений (ЛМ) не раз попадали в поле зрения исследователей русской детской речи [Гвоздев 1949, 1990; Лепская 1997; Доброва 2003, 2007; Краснощекова 2016¹, 2023; Чиглова 2019²; Казаковская 2021, 2024а, 2024б; Воейкова 2021; Voeikova, Krasnoshchekova 2020]. Так, например, на сложности онтогенеза семантической стороны ЛМ (при удивительно легком усвоении формальной) указывал еще А. Н. Гвоздев, ссылаясь на аналогичные наблюдения В. Прейера, В. Штерна и И. Георгова, сделанные ими на материале других языков [Гвоздев 1990: 50]. Известно также, что маленькие дети могут говорить о себе, употребляя не только ЛМ 1-го лица, но и существительные, в том числе имена собственные: *Мальчик делал, Пойдет мальчик тащить кукла, Женя попался* [Гвоздев 1949, I: 59, 85; Лепская 1997: 66]. Кроме того, описаны случаи реверсивного (*the phenomenon of pronoun reversal*) и эхолалического (*the phenomenon of echolalia*) использования ЛМ и соответствующих глагольных форм:

Ребенок (Р.): *Мне = ме, баба* (протягивает игрушку бабушке. – В. К.).

Взрослый (В.): *Не мне, а тебе.*

Р.: *Мне = ме.*

В.: *Ты когда даешь мне, то говори «На, тебе»* (В. 2;2)³;

¹ Краснощекова С. В. Местоименный дейк-сис в русской детской речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2016. 273 с.

² Чиглова Е. И. Стратегии освоения категории лица в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2019. 199 с.

³ Здесь и далее указываются имена и возраст (в годах и месяцах) информантов. В релевантных для анализа случаях после знака «=» представлено произношение слова или высказывания в соответствии с расшифрованной записью. Термины *высказывание, конструкция, (диалогическая) реплика* применительно к данным

В.: *Ты что, не хочешь больше сыр? Не будешь?*

Р.: *Не будешь* (Ф. 1;9).

Анализируя речевое развитие своего сына Жени «от первых слов до первого класса», А. Н. Гвоздев объяснял такие употребления влиянием речевого окружения в то время, когда «категория лица еще не усвоена» ребенком [Гвоздев 1949, I: 59]. Оба феномена – местоименная реверсивность и эхолалия – долгое время, практически с начала XX в., изучались на материале речи детей с расстройством аутистического спектра [Dale, Crain-Thoreson 1993; Evans, Demuth 2012; Naigles et al. 2016]. С привлечением данных типично развивающихся информантов было установлено, что у них, в отличие от детей с аутизмом, реверсивность впоследствии исчезает. В современных работах функционирование ЛМ связывается с развитием способностей «модели психического» (*theory of mind, ToM*), позволяющих понимать внутренний – ментальный и эмоциональный – мир *Друзого* [Wechsler 2010; Markova, Smolik 2014; Mazzaggio 2016; Siu, Cheung 2022].

Наше исследование фокусируется на грамматическом аспекте усвоения ЛМ, а именно на развитии предикативных отношений, механизма согласования (координации) субъекта и предиката, типов и форм выражения подлежащего и сказуемого. Притом что подлежащее может быть выражено именем, или 3-м синтаксическим лицом [Лекант 2002: 136], ЛМ являются главным «игроком» на поле предикирования, поскольку только с их помощью осуществляется соотношение говорящего (субъекта) и слушающего (адресата) с участниками речевого акта.

В задачи работы входит выявление этапов предикирования с участием ЛМ, предпосылок к их координации с прототипическим – глагольным – предикатом, а также общих и индивидуальных особенностей данного процесса в речи детей,

раннего речевого онтогенеза используются синонимично.

усваивающих русский — морфологически богатый и флективный — язык. Помимо упомянутых типологических свойств, его особенностью является возможность пропуска ЛМ в конструкциях с личными (в форме наст./буд. времени) глаголами при сохранении семантики лица и числа (см. *pro-drop*). Изучение детских высказываний с ЛМ и их пропуском (0.ЛМ) входит в число проблем, актуальных в том числе в кросс-лингвистическом отношении, в частности при описании местоименного онтогенеза в морфологически богатых и бедных языках [Dressler 2003], а также в языках, не допускающих продроп [Gagarina et al. 2024].

2. Языковой материал и методы исследования. Материалом для анализа послужили

три лонгитюдных корпуса спонтанной речи («Кирилл», «Ваня» и «Филипп») — аудио- и видеозаписи речевого взаимодействия взрослых и типично развивающихся детей, расшифрованные и морфологически размеченные в соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000]⁴. Продолжительность наблюдений составила 12–13 месяцев от момента появления ЛМ в речи информантов.

Для настоящего исследования проанализировано около 14 000 высказываний детей (см. табл. 1). Реплики с местоимениями разных разрядов в форме им. п. в разном синтаксическом окружении составили 15 %. Из них высказывания с ЛМ в позиции субъекта (подлежащего в им. п.) в координации с личным глаголом — 21 %.

Таблица 1

Анализируемые данные

Table 1

Analysed data

Корпусы спонтанной речи	Период наблюдений	Количество высказываний за период наблюдений	Высказывания с местоимениями различных разрядов в им. п. (% от всех высказываний)	Глагольные высказывания с ЛМ (% высказываний с местоимениями различных разрядов в им. п.)
«Ваня» ⁵	2;2–3;1	4800	609 (12,7 %)	89 (14,6 %)
«Кирилл»	2;1–3;0	2205	386 (17,5 %)	181 (46,9 %)
«Филипп»	1;8–2;8	6973	1156 (16,5 %)	183 (15,8 %)
Всего		13978	2151 (15,4 %)	453 (21 %)

Выборка высказываний с местоимениями создана с помощью программ CLAN — *freq, kwal, combo*. Уровень синтаксического развития информантов определялся в соответствии с индексом MLU (*mean length of utterance*, см. средняя длина высказывания (СДВ)). Грамматический, семантический и коммуникативный аспекты высказываний с ЛМ в субъектной позиции анализировались с точки зрения частотных и/или дистрибутивных характеристик по отношению к каждому лицу (1-му, 2-му, 3-му) и числу (ед., мн.). Наличие или отсутствие значимых различий в частотности проверялось статистически (критерий *хи-квадрат*, $p < 0.05$).

3. Обсуждение результатов
3.1. Общее и индивидуальное в использовании ЛМ информантами. У всех информантов ЛМ появляются после отдельных форм указательного *этом*, притяжательного

мой и определительных *весь* и *сам*. Для самого частотного ЛМ *я* оппозиции, указывающие на его продуктивное употребление (так называемую размороженность формы, ср. *frozen forms*), развиваются в ближайшие месяцы. Первым зафиксировано противопоставление именительного падежа дательному, субъекта — адресату: *Дать мне машину!* (Ф. 1;8); Р.: *Мне снега*. В.: *Снега?* (В. 2;5). Третьей падежной формой,

⁴ Благодарю сердечно К. А. Байду, Н. В. Гагарину и Т. В. Пранову за предоставленные записи, а также Е. К. Лимбах и М. И. Аккузину†, участвовавших в расшифровке и кодировании.

⁵ Для сопоставимости объема данных в корпусе повышенной плотности «Ваня» (см. *high density corpora*) взято по 400 высказываний в каждом месяце наблюдения. Пилотный анализ ЛМ в речи Кирилла и Вани представлен в: [Казаковская 2021, 2024a].

свидетельствующей о том, что оппозиция сменилась мини-парадигмой⁶, выступает винительный: *Похожа на меня* (о киске. — В. К.) (В. 2;5) или родительный (в том числе с предлогом): *У меня много есть* (об игрушках. — В. К.) (В. 2;7); *У меня есть еще идея, еще идея, еще идея* (К. 2;7). Случаи местоименной инверсии и эхоталического *ты* по отношению к себе, ошибочного формообразования или нарушения координации в речевой продукции Вани, Кирилла и Филиппа были редки: *Так они делают* (Ф. 2;0)⁷.

Индивидуальные особенности речевого развития детей проявляются в том, что Кирилл использовал по отношению к себе *я*: *Я все-таки иду гулять* (К. 2;6); тогда как Филипп и особенно Ваня в первые месяцы употребления ЛМ называли себя также по имени: *Филия катается* (Ф.1;11); *Уезжает Ваня* (В. 2;3), как и Женя Гвоздев. Доля реплик с местоимениями различных разрядов в субъектной позиции в речи Вани значительно меньше ($p < 0.01$), чем в речи Кирилла ($\chi^2 = 28.782$) и Филиппа ($\chi^2 = 33.76$), данные которых сопоставимы ($\chi^2 = 1.031$, $p > 0.05$) (см. выше табл. 1).

Значимыми оказались и различия между высказываниями с координацией ЛМ и личного глагола. Кирилл использует их активнее ($p < 0.01$) Вани ($\chi^2 = 119.883$) и Филиппа ($\chi^2 = 154.813$), показатели которых близки ($\chi^2 = 0.159$, $p > 0.05$). А кроме того, он опережает Филиппа ($\chi^2 = 67.031$) и Ваню ($\chi^2 = 221.205$) по частотности глагольных высказываний с ЛМ и их пропуском ($p < 0.01$)⁸. Но в этом случае разница между данными величинами в речи Вани

и Филиппа оказывается существенной: Ваня употребляет конструкции с глаголами реже ($\chi^2 = 73.929$, $p < 0.01$).

Тем самым предварительный анализ языкового материала позволяет описать Кирилла как более «личностоместименного» ребенка по сравнению с Ваней. Местоименный профиль Филиппа (речевое развитие которого считается ранним) занимает срединное положение. По частотности реплик с различными местоимениями, выступающими в позиции подлежащего (16,5 %), он приближается к Кириллу, а по количеству высказываний с координацией ЛМ и личных глаголов (15,8 %), безусловно, — к Ване. По доле глагольных реплик с ЛМ и их пропуском показатели Филиппа (5,75 %) располагаются между аналогичными показателями Кирилла и Вани. Подчеркнем, что такие же «серединные» параметры характерны для его синтаксического развития (см. диагр. 1). За период наблюдений СДВ информантов увеличивается от 1–1,5 слов до 2,5–3,7. Наиболее интенсивно процесс разворачивания структуры высказывания протекает в речи Кирилла, наименее — Вани.

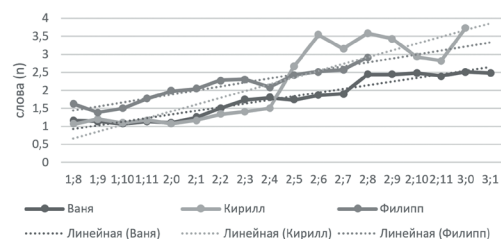

Диаграмма 1. Средняя длина высказывания (в словах)

Diagram 1. Mean length of utterance (in words)

В целом сопоставление показателей местоименного онтогенеза выявляет общее и индивидуальное в грамматических профилях информантов, а также указывает на некоторую связь между местоименной плотностью и синтаксическими характеристиками речи.

3.2. Становление предикативных отношений: этапы и предпосылки координации. Анализ грамматического окружения ЛМ показывает, что сначала они используются в репликах, не содержащих глагол (см. табл. 2).

⁶ Понятие мини-парадигмы («a true mini-paradigm») применительно к ЛМ используется в соответствии с толкованием, принятым в кросс-лингвистическом проекте «Pre- and Protomorphology in Language Acquisition» при анализе усвоения разноструктурных языков (см., в частности: [Bittner et al. 2003: XVI, XXXIX]).

⁷ Особенности усвоения местоимений Ваней и/или Филиппом рассматриваются также в упомянутых работах Г. Р. Добровой, Е. И. Чигловой, С. В. Краснощековой и М. Д. Воейковой.

⁸ Высказывания с 0.ЛМ в настоящей статье привлекаются для иллюстрации отдельных положений, подробнее см.: [Казаковская 2024a].

Порядок появления высказываний с ЛМ в глагольном и безглагольном окружении (% высказываний с ЛМ в речи ребенка)

Table 2

Occurrence order of utterances with personal pronouns in verb and verbless environments (% of utterances with personal pronouns in child speech)

Корпусы спонтанной речи	ЛМ в безглагольном окружении	ЛМ в глагольном окружении
«Ваня»	2;2 (22,8 %)	2;6 (77,2 %)
«Кирилл»	2;2* ⁹ (21,8 %)	2;4 (78,2 %)
«Филипп»	1;8 (30,4 %)	2;1* (69,6 %)
<i>m, sd</i>	2,06±0,2 (25,3 %)	2,4±0,2 (74,7 %)

Безглагольные реплики с ЛМ на несколько месяцев опережают глагольные, однако существенно уступают им в количественном отношении (25,3 % vs 74,7 %) и развиваются менее активно (см. диагр. 2).

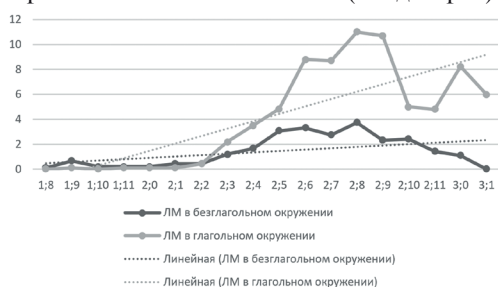

Диаграмма 2. Распределение высказываний с ЛМ в безглагольном и глагольном окружении в период наблюдения (% реплик с ЛМ)

Diagram 2. Distribution of utterances with personal pronouns in verbless and verb environments during the observation period (% of utterances with personal pronouns)

Рассмотрим каждый из типов высказываний с ЛМ.

3.2.1. Безглагольный этап функционирования ЛМ. Безглагольные реплики, в которых используются ЛМ, включают их голофрастические употребления и употребления с нулевым глаголом — вспомогательным/связочным или смысловым. Первые (специфически детские) употребления

представляют собой однословные ответы ребенка на вопросы, констатации и побуждения взрослого. В это время системно-языковая — грамматическая — компетенция ребенка чрезвычайно мала, однако диалогическая уже позволяет «взять» свою очередь в диалоге¹⁰: В.: *Она, Марина, она хочет чаю, интересно?* Р.: *Я* (~ ‘я хочу’) (К. 2;2; СДВ — 1,333). Самые ранние фиксации ЛМ напоминают голофразы, в которых отражаются целые ситуации. Нерасчлененность субъекта и предиката сближает их с синкретами, в понимании С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001: 344]. Более всего таких случаев, включая реверсивное употребление ЛМ, отмечено в речи Кирилла, что объясняется более высокой местоименной плотностью его речи и склонностью к исходно местоименной самореференции (см. выше).

Высказывания, в которых ЛМ-субъект и предикат выражены расчлененно, однако предикат выступает не в форме глагола, представлены конструкциями с нулевой связкой *быть*: *Они бяки* (Ф. 1;9); *Ты грязнуля* (Ф. 2;1); *Я теперь акула* (В. 2;7); *Он, кстати, очень хороший* (К. 2;9); *Почему оно зеленое?* (К. 3;0). Безглагольное использование ЛМ не требует формального согласования субъекта и предиката и поэтому не представляет большой трудности для детей. Такие высказывания начинают появляться с конца 2-го года жизни. В речи Филиппа они зафиксированы раньше (в 1;9), Вани и Кирилла — позже (в 2;2 и 2;5 соответственно)¹¹. В позиции именного компонента составного сказуемого выступают, как правило, имена. Реже эту функцию выполняют другие части речи: *Она далеко* (Ф. 2;5); *Да, я такой уставший* (К. 2;9).

В репликах о себе или о собеседнике именной компонент выражен преимущественно

¹⁰ Структура коммуникативной компетенции и этапы развития ее диалогической составляющей в речевом онтогенезе применительно к материалу русского языка представлены в [Казаковская 2019].

¹¹ Отмеченный «разброс» коррелирует с началом говорения информантов (ранним либо, напротив, поздним) и подтверждает выводы о возможных нормативных отклонениях (до полугода и более) при усвоении того или иного языкового явления, полученные при анализе других данных детской речи.

⁹ Здесь и далее знаком «*» отмечено наличие в корпусе более ранних (единичных) фиксаций ЛМ, в том числе не имеющих однозначной интерпретации.

существительными, обозначающими роль ребенка или его партнера по диалогу в игре. В речи наших информантов — мальчиков — это названия представителей фауны (*бык, зайчик, белочка, обезьянка, хорек, киска, улитка, черепаха, акула*), сказочных существ и персонажей (*тролль, кот Леопольд, пират, Пако*), транспортных средств (*трактор, лимузин, машина, болид*) и профессий (*шофер, пожарный, доктор, гитарник*)¹². В высказываниях о 3-м лице именная часть представлена характеризующими его прилагательными — эмпирическими и рациональными: *бедный, зеленый, красный, голубая, сердитый(-ая), хитрая, новая*. Наибольшей частотностью в их кругу обладают параметрические: *большой, средний, маленький, малюсенький*. Между отдельными прилагательными, выступающими в функции именной части, развиваются антонимические отношения: *новая — старая, вкусная — невкусная*.

В корпусе Вани безглагольные употребления ЛМ по времени появления значительно опережают глагольные, а именная часть формирующегося составного сказуемого получает распространение: *желтая машина, белый лимузин, летающая мышка*. В речи Кирилла развитие синтаксического центра этой конструкции иное: довольно быстро истинностное типовое значение связки *быть* осложняется семантикой подобия: *Я тут как будто бы болид* (К. 2;6), а кроме того, связочный глагол получает материальное воплощение: *Садись, мама, ты будешь пожарным* (К. 2;10).

Помимо двух рассмотренных случаев, безглагольное использование ЛМ отмечено также в переспросах детей: В.: *А что они делают?* Р.: *Они?* (Ф. 2;6); В.: *А ты кто?* Р.: *Я?* (В. 2;11), неполных: В.: *Кому ты говоришь «привет»?* Р.: *Я лошадке* (Ф. 2;4); В.: *А ты много бабочек видел?* Р.: *Много. Я два, четыре... там в лесе была бабочка* (Ф. 2;1) или незаконченных репликах: В.: *Молодец*. К.: *Я... у него такой же черный нос* (К. 2;9); В.: *Твой любимый орел?* Р.: *А он ...* (В. 2;10). В отличие от голофрастических употреблений, такие случаи отнести

к «специфически детским» не представляется возможным, поскольку они типичны и для диалога взрослых носителей языка. И если переспрос и эллипсис — это распространенные техники разговорного диалога, то «брошенные» реплики, скорее, его ожидаемый побочный продукт.

Показательно, что кумулятивные доли лица и числа ЛМ в безглагольных конструкциях детей сходны (см. диагр. 3). Отчетливо доминируют ЛМ 1-го (41,3 %) и 3-го (36,5 %) лица ед. ч., формы 2-го лица ед. ч. (11,7 %) и мн. ч. (10,4 %) менее частотны. Индивидуальные различия касаются 1-го и 3-го лица в речи Вани и Филиппа. Ваня значительно чаще использует ЛМ, говоря о себе ($\chi^2 = 10.710$, $p < 0.01$), в то время как Филипп — о третьем лице ($\chi^2 = 7.198$, $p < 0.01$). В остальных случаях различия между частотой употребления ЛМ информантами не существенны ($p > 0.05$).

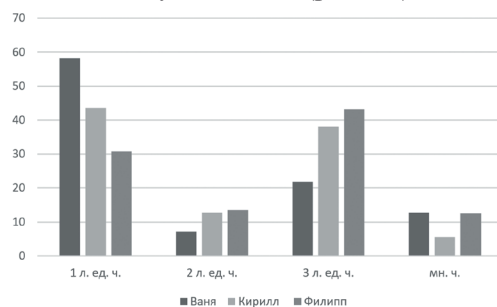

Диаграмма 3. ЛМ ед. и мн. числа в безглагольном окружении (% ЛМ в безглагольных высказываниях ребенка)

Diagram 3. Singular and plural personal pronouns in a verbless environment (% of personal pronouns in children's verbless utterances)

Таким образом, высказывания с синкретичным представлением субъекта и предиката сменяются бинарными конструкциями, в которых субъект-ЛМ и предикат-имя эксплицированы, но предикативная связь между ними продолжает оставаться формально не выраженной ввиду отсутствия личного глагола. Отсутствие необходимости осуществлять координацию облегчает употребление ЛМ и, возможно, является одним из разрешительных условий их появления в структуре одного и того же высказывания.

3.2.2. Предпосылки развития координации. Для наших целей важно подчеркнуть, что глаголы (включая «замороженные»

¹² Поясним. В детоцентрической ситуации названия могут быть применимы не только к реальным или вымышленным существам и предметам, но и к их изображениям и соответствующим игрушкам.

формы, опциональный инфинитив и оно-матопеи), уже имеющиеся в лексиконе детей в это время, до определенного времени не вступают в координацию с ЛМ. Они используются либо самостоятельно: Р.: *Дай = дам*. В.: *А, книгу дать?* (В. 2;3), либо в сочетании с именами и неличными местоимениями, занимающими при них синтаксическую позицию прямого объекта: *Дай руку* (Ф. 1;9); *Машина большая дай* (Ф. 1;11); *Дать это* (К. 2;0); *Ягоды дай = дам* (В. 2;1).

Механизм координации «ЛМ — предикат-глагол» развивается позже, через 2–5 мес. (см. табл. 2). Первые высказывания с координацией появляются на фоне безглагольного функционирования ЛМ. Ее возникновению предшествуют определенные изменения в системно-языковой компетенции ребенка, которые можно рассматривать как предпосылки этого процесса. Речь идет о заметном росте глагольной продукции¹³ и СДВ, а также о предварительном употреблении в позиции субъекта при глагольном предикате «предшественников» ЛМ — существительных и неличных местоимений.

Так, например, в репликах Филиппа в возрасте 1;8 зафиксировано 24 глагола: *бегать, бить, бросить, дать, есть, идти, катать, крутить, кушать, сесть, упасть* и т. д. (47 types / 126 tokens). Их количество удваивается через месяц, к 1;9 — возрасту появления ЛМ в субъектной позиции (45 lemmas / 80 types / 132 tokens), и более чем утраивается к 2;1 — времени координации с ЛМ-подлежащим (89 lemmas / 134 types / 217 tokens). На это же время приходится и увеличение СДВ, которая у Филиппа (2;1) и Вани (2;6) равна почти двум словам, а у Кирилла (2;4) — полутора (см. выше диагр. 1). И хотя «шаг» увеличения сопоставим (1,24 к 1,12), очевидно, что Кирилл достигает этого индекса вдвое быстрее. Более того, в следующие месяцы СДВ в его речи значительно возрастает: ср. 1,5 (2;4) — 2,7 (2;5) — 3,5 слова (2;6).

Второй важной особенностью анализируемого грамматического процесса является то, что с запуском механизма координации

позиция субъекта занимает не ЛМ 1-го или 2-го лица (как можно было бы ожидать), а именем, т. е. 3-м синтаксическим лицом: *Ах, велосипед не проедет* (Ф. 1;11); *Мама везет меня* (Ф. 2;0); *Библика вот = во там стоит* (В. 2;3). Между тем раннее согласование («связывание») имени и глагола может все еще не иметь формального выражения: *Дед идти* (К. 2;2); *Колесо чинить баба вот это* (В. 2;3); Р.: *Баба тоже играть*. В.: *Бабушка тоже будет играть? Хорошо* (В. 2;3).

Итак, о приближении этапа грамматической координации «ЛМ — личный глагол» свидетельствуют определенные лексико-грамматические изменения в речевой продукции детей.

3.2.3. Глагольный этап функционирования ЛМ. ЛМ в координации с личным глаголом начинают появляться в речи информантов с начала третьего года жизни (см. табл. 3). Синтаксический центр высказывания в этом случае получает воплощение в подлежащем и глагольном сказуемом.

Таблица 3
Порядок появления высказываний с ЛМ в координации с финитными глаголами
 (% глагольных реплик)

Table 3
Occurrence order of utterances with personal pronouns in agreement with finite verbs
 (% of verbbased utterances)

Корпусы спонтанной речи	ЛМ + глагол в форме наст./буд. времени	ЛМ + глагол в форме прош. времени
«Ваня»	2;6 (63,4 %)	2;6 (36,6 %)
«Кирилл»	2;4 (71 %)	2;5 (29 %)
«Филипп»	2;1* (76,9 %)	2;3* (23,1 %)
<i>m, sd</i>	2,4±0,25 (71 %)	2,5±0,15 (29 %)

Высказывания с глагольными формами наст./буд. времени, требующими координации по лицу и числу, опережают (в среднем на месяц) реплики с глаголами в прошедшем, предполагающими согласование по роду, и преобладают в количественном отношении: 71 % vs 29 %. А кроме того, они отличаются большей интенсивностью развития в первый год усвоения категории лица (см. диагр. 4).

¹³ А. Н. Гвоздев характеризует подобное увеличение запаса слов как «происходящее скачками» [Гвоздев 1990: 21] (ср. *verb spurt*).

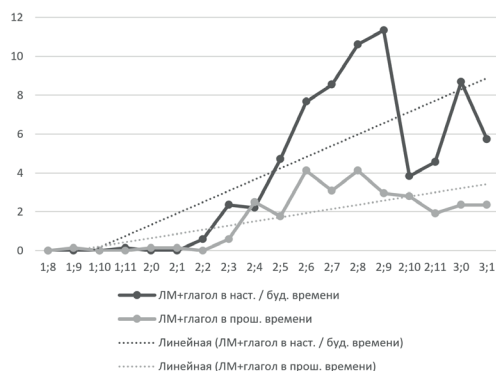

Диаграмма 4. Распределение высказываний с ЛМ в глагольном окружении (% реплик с ЛМ)
Diagram 4. Distribution of utterances with personal pronouns in a verb environment (% of utterances with personal pronouns)

Объяснение количественного и «динамического» превосходства высказываний с личными глаголами заключается, на наш взгляд, в ряде причин: в актуальности для ребенка коммуникативной ситуации «я — здесь — сейчас», более позднем усвоении родовой семантики и большей когнитивной сложности прошедшего. Употребление прошедшего времени требует изменения темпорального плана, хотя формально, как известно, оно образуется значительно проще настоящего.

Конструкции с личными глаголами, рассматриваемые далее, представляют для нас больший интерес еще и в свете обсуждения продропа. Их распределение по лицу для абсолютно преобладающих в это время форм ед. ч. (91 %) показывает более активный рост я-высказываний (55 % местоименно-глагольных реплик ед. ч.) в сравнении с он- и ты-репликами (29 % и 15 % соответственно) (см. диагр. 5).

Показательно, что частотность ЛМ 1-го, 2-го и 3-го лица соотносится с последовательностью их появления в данном окружении. Местоимение я первым вступает в координацию с личными глаголами. Далее в речи Вани и Кирилла субъектную позицию начинают занимать ЛМ 3-го (в 2;7 и 2;5) и 2-го лица (в 2;9 и 2;10), а в речи Филиппа, наоборот, 2-е лицо (2;1) предшествует 3-му (2;3).

При этом доли соответствующих местоименно-глагольных конструкций в корпусах

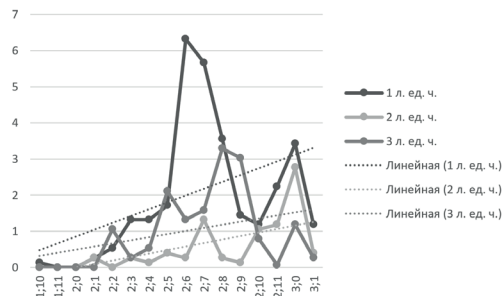

Диаграмма 5. Распределение глагольных высказываний с ЛМ ед. ч.
(% глагольных реплик с ЛМ и 0.ЛМ)

Diagram 5. Distribution of verb-based utterances with singular personal pronouns (% of verb-based utterances with personal pronouns and % of pro-drop)

детей сопоставимы, за исключением ты-высказываний Кирилла по отношению к высказываниям Вани ($\chi^2 = 6.445$, $p < 0.05$) и мы-реплик Филиппа — к репликам Кирилла ($\chi^2 = 4.394$, $p < 0.05$) (см. диагр. 6). ЛМ мн. ч. в позиции субъекта немногочисленны (9 %): Там мы помоемся (Ф. 2;6); Мы домик строим (Ф. 2;6), а в форме 2-го лица отсутствуют (что в целом типично для ранней детской речи [Гвоздев 1949, I: 87; Лепская 1997: 52; Краснощекова 2016¹⁴]).

Каждый тип местоименно-глагольных конструкций обладает особенностями. Обратимся к их анализу.

3.3. Я-, ты- и он-высказывания в речи детей

3.3.1. Высказывания о себе. Большая часть я-высказываний информантов констатирует происходящее «здесь и сейчас» (61 %). Ситуации, отнесенные к будущему, менее частотны: Я тебе дам машинку (Ф. 2;6); Я тоже принесу шарик (Ф. 2;7). Темпоральные и коммуникативные характеристики высказываний детей о себе сопоставимы ($p > 0.05$), в отличие от частотности выражения модальной семантики, отмеченной в 22 % первоначальных реплик.

По использованию модальных высказываний Кирилл опережает Ваню ($\chi^2 = 5.646$, $p < 0.05$) и Филиппа ($\chi^2 = 13.576$, $p < 0.01$), данные которых сопоставимы ($p > 0.05$). В первый год усвоения персональности семантика волеизъявления (с прототипическим

¹⁴ Краснощекова С. В. Указ. соч. С. 74, 226.

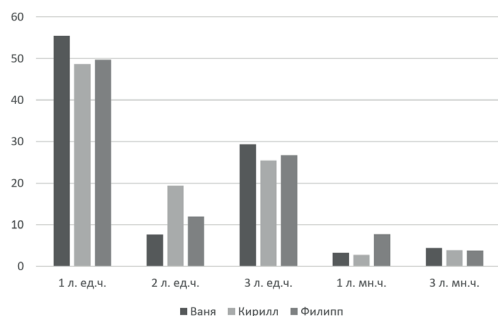

Диаграмма 6. Глагольные высказывания с ЛМ (% глагольных высказываний с ЛМ в речи ребенка)

Diagram 6. Verb-based utterances with personal pronouns (% of verb-based utterances with personal pronouns in child speech)

для ее выражения *хотеть*) является доминирующей (82,7 % модальных реплик): *Я хочу мыться* (Ф. 2;3); *Я хочу почитать, еще ненадолго почитать* (К. 2;10); *Я кушать хочу* (В. 2;11). Значительно реже выражаются модальные сферы возможности (*мочь, уметь*): *Нет, я не умею* (К. 2;4) и долженствования¹⁵. С развитием средств выражения темпоральности: *Я не буду плакать* (В. 2;6); *Мама, я буду из чашки есть* (К. 2;8); *Я сам буду наматывать* (К. 2;11); *Я вот здесь буду сидеть* (В. 2;9) и модальности (см. примеры выше) начальное развитие получают аналитические формы предиката, представленного простым и составным типами глагольного сказуемого.

Глаголы, первыми вступающие в координацию с я, обозначают действие, движение или состояние ребенка: *есть, пить, убирать, плавать, гулять, строить, кувиркаться, читать, рисовать, сидеть, лежать* и др. Это наиболее ранние и частотные семантические группы, с помощью которых отражается некоторое – подчеркнем, объективное – положение дел (пропозиция): *А я пароход играю* (Ф. 2;1); *Отойди, я открываю ворота* (Ф. 2;4); *Смотри, я кувиркаюсь* (В. 2;7). Они составляют большую часть (63 %) глагольной лексики я-высказываний (см. диагр. 7).

¹⁵ Ранее долженствование выражается глагольными формами, требующими согласование по роду: *Там должен я достать продукты* (К. 3;0).

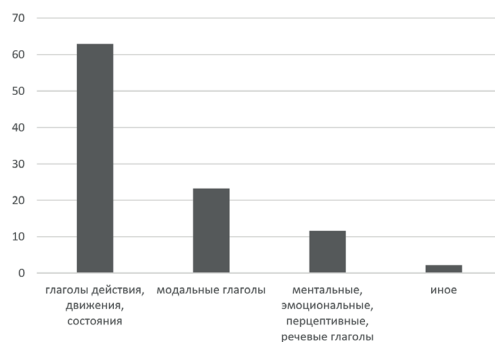

Диаграмма 7. Семантические группы глаголов в я-высказываниях (% глаголов я-высказываний)

Diagram 7. Semantic groups of verbs in ya- / I-utterances (% of verbs in ya- / I-utterances)

Конструкции с модальной и/или модусной квалификацией пропозиции, осуществляемой с помощью глаголов интеллектуальной деятельности и ее результатов (к последним в анализируемых корпусах относятся ментальный *знать, думать, узнать*, эмоциональный *бояться*, перцептивные *видеть, слышать* и речевые *говорить, сказать, рассказать*), – значительно более редкие (34 %), когнитивно сложные и, возможно, поэтому неодинаково частотные в речевой продукции детей. Координация с модальными глаголами происходит чаще, чем с глаголами интеллектуальной деятельности, интенсивность употребления которых увеличивается к концу наблюдений (см. диагр. 8).

И те и другие глаголы, заметим, бифункциональны. Их ранние фиксации эксплицируют диктальную сферу: *Это я не знаю*

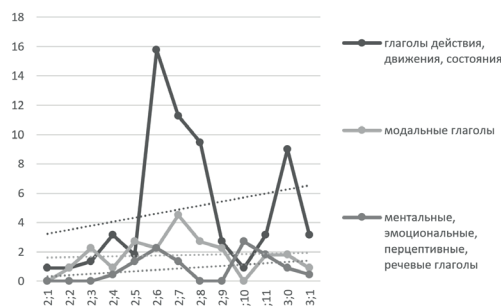

Диаграмма 8. Распределение я-высказываний с различными глаголами (% глагольных я-высказываний)

Diagram 8. Distribution of ya- / I-utterances with different verbs (% of verb ya- / I-utterances)

(Ф. 2;7); *Сейчас я увижу = увижу* (Ф. 2;7); *Я очень боюсь котика* (К., 2;7), тогда как более поздние указывают на становление пропозиционального отношения (установки): *Я думаю, ты меня съешь* (В. 3;1); см. также: В.: *А-а-а, лев есть?* Р.: *Я подумал, что есть* (В. 3;0). Чрезвычайно важно, что эгоцентрические элементы, к числу которых принадлежат эпистемические маркеры с семантикой достоверности/недостоверности (*наверное, может быть, кажется, конечно, действительно*), также обнаруживающие 1-е лицо, начинают использоваться на этапе перволичной координации ЛМ и глагола (в речи Филиппа это происходит в 2;1, Кирилла — в 2;4, Вани — в 2;8), но не раньше: *Кажется, и я плачу* (Ф. 2;8); *Наверное, я думаю, что лучше сюда приземлиться* (К. 2;10); см. также: *Это я, наверное = наевная, ее кидал (о машинке со сломанными колесами. — В. К.)* (В. 2;11). Сопоставление двух процессов — развития механизма координации в я-высказываниях и становления установки говорящего — показывает [Казаковская 2024б], что более интенсивное употребление эгоцентриков (с отчетливым пиком частотности в 2;10) провоцируется «взлетом» высказываний с координацией по 1-му лицу в 2;6 (см. диагр. 9).

Помещение я-предложения (в другой терминологии, клаузы) с одним из предикатов интеллектуальной деятельности в позицию главной части сложноподчиненного предложения изыяснительного типа (модусной рамки) разграничивает пропозицию и ее субъективную квалификацию (пропозициональное отношение): *Самосвал и бетономешалку, я думаю (нужно*

взять. — В. К.) (К. 2;5). Это более сложная техника выражения субъективной — модусной — семантики; она начинает развиваться позже, во второй половине 3-го года жизни. Вектор ее развития направлен от имплицитного к эксплицитному, от редуцированного к нередуцированному, от я-модусной рамки (т. е. выражения собственного мнения, оценки, точки зрения) к ты- и он-рамкам (отражению, представлению позиции Другого).

3.3.2. Высказывания о партнере по диалогу. Несмотря на то что доли ты-высказываний (7–19 %) одинаковы не во всех корпусах (в частности, в речи Кирилла их больше, чем у Вани: $\chi^2=6.445$, $p<0.05$), темпоральные, модальные и коммуникативные черты сопоставимы. Так, в репликах о собеседнике: *Ты уйдешь туда* (Ф. 2;3) или обращенных к нему преобладают план настоящего времени (90,4 %): *Ну, лошадка, ты не боишься, а?* (К. 2;11). Отнесенность действий партнера по диалогу к будущему отмечена в речи Филиппа и Вани: *А ты ее достанешь* (Ф. 2;7); *Ты меня съешь* (В. 3;0).

Как и в высказываниях о себе, более чем в половине случаев дети употребляют глаголы действия, движения и состояния (54,5 %). Однако модальные (9,4 %) и эпистемически маркированные (1,7 %) ты-конструкции менее многочисленны, чем перволичные. Первые, выражающие семантику волеизъявления, зафиксированы в речи Филиппа и Кирилла: *Ты не хочешь кушать!* (Ф. 2;7); *А ты хочешь поехать с нами, а?* (К. 2;10), вторые, эксплицирующие семантику предположения, — Филиппа: *Наверно, ты катаешься* (Ф. 2;1).

Яркой особенностью ты-высказываний является вопросительность, их коммуникативная характеристика: *Рыбка, где ты спишь?* (Ф. 2;8); *Лошадка, ты думаешь про самолетика?* (К. 2;11); *А ты хочешь вот этот (о кораблике. — В. К.)?* (В. 3;0). Ты-вопросы в корпусах информантов одинаково много (84,6 %, $p > 0.05$). Симптоматично, что почти в половине случаев (49 %) ЛМ в координации с личным глаголом занимают позицию модусной рамки. С помощью таких вопросов ребенок апеллирует к ментальному статусу адресата — сферам его знания (знать, 46,1 %): *Ты знаешь, куда мы поехали, ну, на маршруте, а?* (К. 3;0), мнения (думать, 15,4 %): *Как ты думаешь, Бастер*

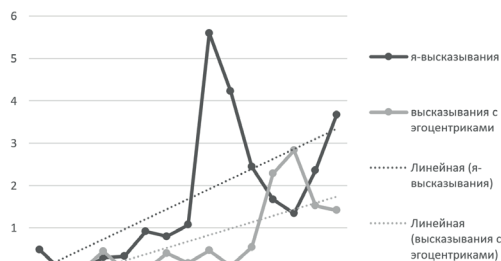

Диаграмма 9. Я-высказывания и высказывания с эгоцентриками (% высказываний в месяц)
Diagram 9. Ya- / I-utterances and utterances with egocentric elements (% of utterances per month)

впереди или Бастер сзади, а? (К. 2;11) или памяти (*помнить*, 15,4 %): *Ты помнишь, здесь за черникой ходили тут?* (В. 3;1).

В пропозиции, вводимой ментальной *ты*-рамкой, чаще всего оказывается пространственная семантика: частные (специальные) локативные *где*- и директивные *куда*-вопросы составляют 70 %. Причинные (*почему*), целевые (*зачем*), идентификационные (*что*) и дизъюнктивные (*или*) отношения попадают в фокус таких вопросов реже: *Дед, баба, ты знаешь, почему медленно ехал джип?* (К. 2;11); *Ты знаешь, что (вместо зачем) табуретка?* (В. 3;1).

Использование модусных вопросов, образованных перцептивным *видеть* (34,6 %), позволяет информантам привлекать внимание собеседника к различным ситуациям или действиям: *Ты видишь, это как лыжи?* (К. 2;10), в том числе собственным: *Ты видишь, я приехал на джондуне* (об автомобиле BMW. — В. К.) (К. 2;10). Они задаются в форме общего *да/нет*-вопроса и, скорее, выполняют фатическую функцию, чем служат запросу подтверждения. Фатические *ты*-вопросы, как и в целом модусные, свойственны диалогической тактике Кирилла и Вани.

Высказывания с *ты*-модусной рамкой отчетливо показывают, что в сознании ребенка существует некоторое представление о ментальном статусе *Другого*, не совпадающем с его собственным. Это более поздние конструкции по сравнению с теми, что маркированы *я*-модусными рамками. Тем самым выделение себя как субъекта пропозициональной оценки предшествует представлению в этом статусе *Другого* и его «помещению» в данную синтаксическую позицию. В речи Вани эти когнитивные операции разнесены на четыре месяца (2;8–3;0), Кирилла — на шесть (2;4–2;10).

3.3.3. Высказывания о третьих лицах или предметах. Частотность высказываний о лице, не участвующем в диалоге (или предмете, обычно игрушке), занимает срединную позицию между высказываниями о себе и о собеседнике (см. диагр. 5). Темпоральные и коммуникативные характеристики *он*-высказываний сходны с соответствующими в *я*- и *ты*-репликах: главным образом комментируются действия субъекта в настоящем времени (72 %): *Он просто*

на травке лежит (Ф. 2;5); *Она грызет теремок* (В. 2;10). Отнесенность события к плану будущего в речи Вани и Филиппа происходит значительно чаще ($\chi^2 = 9.657$ и $\chi^2 = 15.726$ соответственно, $p < 0.01$), чем у Кирилла: *Она сейчас придет и схватит лягушонка=лягушон* (Ф. 2;6); *Есть мед там он будет* (В. 2;9).

Доля *он*-вопросов информантов одинаково невелика (11,6 %, $p > 0.05$). Более чем на две трети (71 %) вопросы задаются в форме частных: *Она что делает?* (Ф. 2;7); *Как она открывается?* (К. 2;8); *Почему оно не крутится?* (В. 3;0).

Описывая 3-е лицо или предмет, дети говорят в основном о его действиях (*делать, летать, плавать*), состоянии (*ждать, спать*), положении или перемещении в пространстве (*стоять, сидеть, лежать, упасть*). Значительно реже передаются возможности: *Он может плыть глубоко* (К. 2;8), желания (в том числе по отношению к речевой деятельности): *Она не хочет сказать* (Ф. 2;8), характеризуются предпочтения: *Мед она любит* (В. 2;11) либо выражается проявление эмоций: *Он плачет* (Ф. 2;5); *Он боится* (о папе. — В. К.) (К. 2;7). Доля модальных *он*-высказываний (5 %) значительно уступает таковым в *я*- и *ты*-репликах. Вместе с тем расширяются средства выражения модальной семантики волеизъявления: *Он пытается приземлиться* (К. 2;11), а также появляются связки с семантикой фазисности и именованности: *Он начинает его держать* (К. 2;9); *<Вот это какая клубника,> как она называется?* (Ф. 2;7).

Модусно маркированные реплики редки (2,5 %). Модус, квалифицирующий пропозицию с *он*-субъектом, представлен редуцированными маркерами двух типов — эпистемическими и фатическими. При этом с помощью первых выражается уже не только предположение ребенка: *Кажется, он все едет так, едет* (К. 2;8), но и уверенность: *Он так, на самом деле, бежит = бегёт* (К. 2;9); см. также высказывания о 3-м синтаксическом лице: *А мама, наверное = наена, вот тут* (В. 3;0). Фатические рамки (0.ЛМ 2-го лица) служат для привлечения внимания собеседника к сообщаемому, например к действиям субъекта: *Видишь, она едет* (К. 2;5); *Бежит она, смотри* (В. 2;8); см. также: *Нос получил, смотри* (В. 2;7). В *он*-репликах Вани

фатические маркеры весьма частотны (в чем проявляется, заметим, еще одно сходство с Женей Гвоздевым [Гвоздев 1949, I: 93]).

Особенностью *он*-высказываний в первый год усвоения персональности можно считать отсутствие предикатов интеллектуальной деятельности в любой из возможных функций (пропозициональной или пропозиционального отношения): конструкции типа *Он знает/думает/говорит, (что) Р* в анализируемом материале не встретились. Это означает, что субъект 3-го лица не вступает в координацию с ментальными глаголами и еще не попадает в модусную рамку.

4. Заключительные замечания. Анализ спонтанной речи детей позволил рассмотреть становление синтаксического центра высказывания, обозначить этапы развития предикирования с участием ЛМ, выявить предпосылки механизма координации, а также охарактеризовать распределение *я*-, *ты*- и *он*-высказываний, их типичные и нетипичные свойства в семантическом и коммуникативном аспектах.

Так, в первый год усвоения категории лица в речи информантов преобладают *я*-высказывания всех проанализированных разновидностей, за которыми по частотности следуют *он*- и *ты*-высказывания. Реплики с ЛМ мн. ч. наименее употребительны. Предикативные отношения развиваются от синкретичного представления субъектного и предикатного компонентов к расчлененному, от отсутствия формального согласования между ними к его наличию, от употребления ЛМ в безглагольном окружении к употреблению в глагольном. Коммуникативные и темпоральные особенности конструкций с ЛМ в речевой продукции детей сопоставимы в большей степени, нежели модальные и модусные.

Для обсуждения сходств и различий, отмеченных в развитии предикативных отношений в речи информантов, существенны особенности обращенной к ним речи взрослых (*child-directed speech, input*) — количественного и качественного параметров местоименного и глагольного инпута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воейкова М. Д. Личные местоимения в потоке речи и их вклад в становление языковой системы // Проблемы онтолингвистики — 2021:

Языковая система ребенка в ситуации одного и многоязычия: материалы ежегодной Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13–15 апреля 2021 года. СПб.: ВВМ, 2021. С. 23–32.

2. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка: в 2 ч. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1949.

3. Гвоздев А. Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. 103 с.

4. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 492 с.

5. Доброва Г. Р. Освоение детьми функционально-семантической категории персональности // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 181–200.

6. Казаковская В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: Психолингвистический аспект. М.: URSS, 2019. 448 с.

7. Казаковская В. В. Конструкции с личными местоимениями в детской речи (по данным диалога «взрослый — ребенок») // Лекантовские чтения — 2021: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Изд-во МГОУ, 2021. С. 46–51.

8. Казаковская В. В. Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 2(40). С. 133–149 [Казаковская 2024a].

9. Казаковская В. В. От первого лица: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2024. Т. 20, Ч. 1. С. 98–142. <https://doi.org/10.30842/alp2306573720198142> [Казаковская 2024b].

10. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 851 с.

11. Краснощекова С. В. Местоимение 3-го лица *он* в речи русскоязычного ребенка: case-study на базе корпуса детской речи // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2023. Вып. 1–2.

12. Лекант П. А. Структура синтаксической категории лица // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Издательство МГОУ, 2002. С. 133–138.

13. Лепская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 151 с.

14. Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. Introduction // Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (eds.). Development of verb

inflection in first language acquisition. A cross-linguistic perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. XII–XXXVII. <https://doi.org/10.1515/9783110899832>.

15. Dale P. S., Crain-Thoreson C. Pronoun reversals: who, when, and why? // *Journal of Child Language*. 1993. Vol. 20, No. 3. P. 573–589. <https://doi.org/10.1017/S0305000900008485>.

16. Dressler W. U. Degrees of grammatical productivity in inflectional morphology // *Italian Journal of Linguistics*. 2003. Vol. 15, No. 1. P. 31–62.

17. Evans K. E., Demuth K. Individual differences in pronoun reversal: Evidence from two longitudinal case studies // *Journal of child language*. 2012. Vol. 39, No. 1. P. 162–191. <https://doi.org/10.1017/S0305000911000043>.

18. Gagarina N., Özsoj O., Argus R. et al. Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop // *International Association for the Study of Child Language. 16th Congress. Prague. July 15–19, 2024. Book of abstract*, p. 218.

19. MacWhinney B. The CHILDES project: tools for analyzing talk. 3rd edition. Mahwah-New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

20. Markova G., Smolik F. What do you think? The relationship between person reference and communication about the mind in toddlers // *Social Development*. 2014. Vol. 23, No. 1. P. 61–79. <https://doi.org/10.1111/sode.12044>.

21. Mazzaggio G. The Theory of Mind's role in pronoun acquisition: The phenomenon of pronoun reversal in typically developing children // *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. 2016. P. 55–69. <https://hdl.handle.net/2142/101447>.

22. Naigles L. R., Cheng M., Rattanasone N. X. et al. "You're telling me!" The prevalence and predictors of pronoun reversals in children with autism spectrum disorders and typical development // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2016. No. 27. P. 11–20. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2016.03.008>.

23. Siu C. T.-S., Cheung H. A longitudinal reciprocal relation between theory of mind and language // *Cognitive development*. 2022. Vol. 62, No. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2022.101176>.

24. Voeikova M. D., Krasnoshchekova S. V. The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition // N. Gagarina, R. Musan (eds.). *Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. <https://doi.org/10.1515/9781501510151-008>.

25. Wechsler S. What 'you' and 'I' mean to each other: Person indexicals, self-ascription, and theory of mind. *Language*. 2010. Vol. 86, No. 2. P. 332–365. <https://doi.org/10.1353/lan.0.0220>.

REFERENCES

1. Voeikova M. D. Personal pronouns in the speech flow and their contribution to the formation of the linguistic system. *Problemy ontolingvistiki – 2021: Yazykovaya sistema rebenka v situatsii odnoi mnogoyazychiya: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt Peterburg, 13–15 aprelya 2021 goda = Problems of ontolinguistics – 2021: Language system of the child in the situation of mono- and multilingualism: proceedings of the annual International Scientific Conference. Saint Petersburg, April 13–15, 2021*. Saint Petersburg, VVM Publ., 2021. P. 23–32. (In Russ.)

2. Gvozdev A. N. Formation of the grammatical structure of the Russian language in the child: in 2 parts. Moscow: APN RSFSR, 1949. (In Russ.)

3. Gvozdev A. N. Vocabulary development in the first years of a child's life. Kuybyshev, Saratov University Press, Kuybyshev Branch, 1990. 103 p. (In Russ.)

4. Dobrova G. R. Ontogeny of personal deixis (personal pronouns and kinship terms). Saint Petersburg: Herzen University Press, 2003. 492 p. (In Russ.)

5. Dobrova G. R. Acquisition of the functional and semantic category of personality by children. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi. Otv. red. S. N. Tseytlin = Semantic categories in children's speech. Ed. by S. N. Tseytlin*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. P. 181–200. (In Russ.)

6. Kazakovskaya V. V. Questions and answers in "adult – child" dialogue: A psycholinguistic aspect. Moscow: URSS, 2019. 448 p. (In Russ.)

7. Kazakovskaya V. V. Constructions with personal pronouns in child speech (based on the "adult – child" dialogue). *Lekantovskie chteniya – 2021: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Otv. red. E. N. Orekhova = Lekantov Readings – 2021: Proceedings of the International Scientific Conference. Ed. by E. N. Orekhova*. Moscow: MRSU Press, 2021. P. 46–51. (In Russ.)

8. Kazakovskaya V. V. Personal pronouns and pro-drop in the early stages of language acquisition. *Trudy Instituta Russkogo iazyka imeni V. V. Vinogradova = Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024;(2):133–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.2.8> [Kazakovskaya 2024a].

9. Kazakovskaya V. V. In the first person: Pronoun-verb utterances in Russian children's speech. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2024;20(1):98–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/alp23065737-20198142> [Kazakovskaya 2024b].

10. Katsnel'son S. D. Categories of language and thinking: From the scientific heritage. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 851 p. (In Russ.)

11. Krasnoshchekova S. V. The 3rd person pronoun "he" in the speech of a Russian-speaking child: A case-study based on the corpus of children's speech. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2023. Issue 1–2. (In Russ.)
12. Lekant P. A. Structure of the syntactic category of person. *Lekant P. A. Oчерки по grammatike russkogo yazyka = Essays on the grammar of the Russian language*. Moscow, MRSU Press, 2002. P. 133–138. (In Russ.)
13. Lepskaya N. I. Child language (Ontogeny of speech communication). Moscow: MSU Press, 1997. 151 p. (In Russ.)
14. Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. Introduction. Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (Eds.). Development of verb inflection in first language acquisition. A cross-linguistic perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. xii–xxxvii. (In Engl.) <https://doi.org/10.1515/9783110899832>.
15. Dale P. S., Crain-Thoreson C. Pronoun reversals: who, when, and why? *Journal of Child Language*. 1993;(20)3:573–589. (In Engl.) <https://doi.org/10.1017/S0305000900008485>.
16. Dressler W. U. Degrees of grammatical productivity in inflectional morphology. *Italian Journal of Linguistics*. 2003;15(1):31–62. (In Engl.)
17. Evans K. E., Demuth K. Individual differences in pronoun reversal: Evidence from two longitudinal case studies. *Journal of Child Language*. 2012;39(1):162–191. (In Engl.) <https://doi.org/10.1017/S0305000911000043>.
18. Gagarina N., Özsoj O., Argus R. et al. Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop. *International Association for the Study of Child Language. 16th Congress. Prague. July 15–19, 2024. Book of abstract, p. 218*. (In Engl.)
19. MacWhinney B. The CHILDES project: Tools for analyzing talk. In 2 vols. 3rd ed. Mahwah, New Jersey: L. Erlbaum, 2000. (In Engl.)
20. Markova G., Smolik F. What do you think? The relationship between person reference and communication about the mind in toddlers. *Social Development*. 2014;23(1):61–79. (In Engl.) <https://doi.org/10.1111/sode.12044>.
21. Mazzaggio G. The Theory of Mind's role in pronoun acquisition: The phenomenon of pronoun reversal in typically developing children. *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. 2016. P. 55–69. (In Engl.) <https://hdl.handle.net/2142/101447>.
22. Naigles L. R., Cheng M., Rattanasone N. X. et al. "You're telling me!" The prevalence and predictors of pronoun reversals in children with autism spectrum disorders and typical development. *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2016;27:11–20. (In Engl.) <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2016.03.008>.
23. Siu C. T.-S., Cheung H. A longitudinal reciprocal relation between theory of mind and language. *Cognitive Development*. 2022;62:101176. (In Engl.) <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2022.101176>.
24. Voeikova M. D., Krasnoshchekova S. V. The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition. *N. Gagarina, R. Musan (Eds.). Referential and relational discourse coherence in adults and children*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. (In Engl.) <https://doi.org/10.1515/9781501510151-008>.
25. Wechsler S. What 'you' and 'I' mean to each other: Person indexicals, self-ascription, and theory of mind. *Language*. 2010;86(2):332–365. (In Engl.) <https://doi.org/10.1353/lan.0.0220>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виктория Виладиевна Казаковская, доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Отдела теории грамматики

Victoria V. Kazakovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor RAS, Leading Researcher of the Department of Grammar Theory

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 02.07.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 02.07.2024.